

Она была клоуном.

Она смеялась, улыбалась, юморила, а на замечания не обращала внимания, затыкая уши. Люди в униформе медсестёр не были добрыми. Она решила, что они ей не нравятся.

Она не была сумасшедшей. Она была другой, как все люди отличаются друг от друга - со своими симпатиями, антипатиями, причудами, пороками и достоинствами. Она была прекрасно несовершенна, трагически создана из остатков личностей злой ведьмой.

Однажды она загадала желание: увидеть тот день, когда родители примут ее обратно. Ее отец гордо улыбнётся, никогда не стремясь выразить свои чувства. А мама плакала, желая показать, как безгранична ее любовь. И вот каждое утро она часами ждала у окна. Тучи сменяли друг друга, солнце садилось за горизонт, но она все равно оставалась на месте, терпеливо глядя на конец подъездной дорожки - на тот маленький поворот, за которым начиналась главная дорога, ведущая в город. Она прислушивалась к звукам каждой проезжающей мимо машины и разочарованно замирала, когда ни одна из них не сворачивала за этот угол.

Ничего страшного.

Она могла бы прийти туда на следующий день и подождать.

Зима никогда не беспокоила ее своим морозным дыханием, заснеженными деревьями, шерстяными одеялами и обещаниями лучшего, более спокойного года. Лето было добрым учителем, оно улыбалось ей шелестом деревьев и убаюкивало ее сном, сверкая ночным небом. Осень была яркой и живой сестрой, устилая землю золотыми и красными цветами. Весна всегда наступала тихо, никогда не было слишком жарко или слишком холодно. И как бы ни портили пейзаж времена года, она всегда была рядом и ждала.

Она знала, что родители приедут. Они дали мизинцевое обещание, а все знали, что мизинцевые обещания не нарушаются. Это была нерушимая клятва. Однако медсестры были недовольны. Они никогда ей не верили. Но она им еще покажет! Однажды она уйдёт и оставит их всех. А она сама будет улыбаться им.

В конце концов, она стала старше, и ей стало еще более одиноко.

Люди приходили, но еще больше не возвращались.

Все было хорошо.

Она помнила многое. Она помнила, как медленно, секунда за секундой, тикали часы: еще одна проклятая секунда ее жизни утекала за белыми стенами. Она помнила еду - пережаренную, пересоленную и всегда одну и ту же - каждый день. Особенно ей запомнилась одна медсестра. Ее имя было немного неуловимым, а лицо - размытым, как у фотоаппарата, который отказывался фокусироваться. Она хватала ее за руку и уносила прочь, когда та прикладывалась лицом к окну. Медсестра не понимала, не слушала, не видела ни ее слез, ни ребёнка, кричащего о помощи за ее глазами. Это была игра. В неё играли все. Об этом свидетельствовали синяки на губах, щеках и руках. Игра была настолько односторонней, что вызывала чувство зависти. Но ведь пациентам не разрешалось играть, верно?

Ну, и напоследок она вспомнила еще одну вещь. Она никогда не любила правила. А когда наступило утро, день был просто адским.

Это была поистине вечеринка, за которую можно умереть.

Длинная череда ее побед оборвалась, когда ее увенчали подарком. Это никак не могло быть не подарком, как и ее новые покои — их она получила на седьмой день. И как же они были прекрасны! Это выделяло ее из толпы. Одежда была идеально подобрана, чтобы соответствовать ее новому статусу. Она была с длинными рукавами и лилейно-белого цвета. Она напоминала ей о зиме. Правда, в них было немного неудобно. По какой-то непонятной причине ее руки были больно сцеплены за спиной. Как она могла в таком виде играть? Как бы она ни извивалась, ни корчилась, ни крутилась. Она почти не могла пошевелиться.

Все было хорошо.

Она знала, что родители придут. И когда они приедут, она тоже будет с ними играть. Она с гордостью объявила бы, что научилась играть. Отец бы смеялся над ней, он всегда любил смеяться над ней. Теперь и она могла смеяться вместе с ним. А мама будет достойным соперником: она действительно умела играть. Она с нетерпением ждала этого момента.

С улыбкой на лице она ждала.

Она не была сумасшедшей. Она была другой, такой же разной, как все люди друг от друга, но в отличие от них, она была совершенна. Она была прекрасна. И благодаря своей красоте она улыбалась, смеялась, юморила и больше не затыкала уши. Снарки не могли причинить ей вреда.

Однажды она загадала желание: увидеть тот день, когда зима наконец-то уйдёт, и она сможет почувствовать тепло.

Со временем она состарилась и все больше запутывалась. Как долго ей придётся ждать их?

Многие уехали. Видимо, это было связано с новой тайной игрой. Она слышала их светские беседы, как же иначе? Никто не хотел оставаться в аду, и они уехали. Но куда? Видимо, игра была очень популярной, люди постепенно исчезали. Никогда еще коридоры не были так безжизненны. Это было несправедливо, она тоже хотела поиграть. Это выглядело очень забавно. И она пошла за ними. Задыхаясь, она поднялась по лестнице и направилась к крыше. Медсестры рядом не было. Дураки. И тут небо распахнулось перед ней, запутав волосы и осыпав лицо поцелуями. Грудь сдавило от сладкого, хрустящего кислорода.

И она раскрыла руки, по крайней мере, попыталась... пока они не разжались, и боль не стала далеким другом.

Ей хотелось, чтобы родители увидели ее сейчас - ведь она только что научилась летать.

Жизнь была сложной игрой.

И она проиграла.

Все было хорошо.

Она может подождать их "там".

Неужели наконец-то пришла весна?

Он был тёплым, мягким и разрушал всю её защиту. Она рискнула заглянуть в его зелёные глаза: жалость ли это? Сострадание? Сочувствие? Она не нашла в них ни страха, ни отвращения, ни ненависти. Нет, они были такого яркого зелёного цвета, что она могла представить себя сидящей за этим окном и наблюдающей за тем, как трава танцует под дуновением ветерка. Это были глаза весны, никогда не бывает слишком жарко или слишком холодно. Его рука не дрогнула. Он обнял ее, и его тепло стало болезненным контрастом на фоне холодных струек на ее потрескавшейся коже.

— А еще, разве ты не хочешь снова стать красивой?

Она сильнее сжала его шею, желая почувствовать, как хрип его умирающих лёгких омывает ее руку.

Он улыбнулся, простодушно скривив губы. — Ты... ждала... достаточно долго. Мы пришли... сюда... за тобой — несмотря на дробящийся голос, в его глазах промелькнул отблеск уверенной победы.

Она была разочарована. Так играть нельзя. Во время игры нельзя разговаривать.

Его слова заставили ее попятиться. Его пальцы касались, прощупывали, ощупывали каждый сантиметр ее зомбированного лица, как будто он перебирал струны гитары. Никаких колебаний, только плавный переход от одного пальца к другому. Прошло столько времени с тех пор, как к ней в последний раз прикасались подобным образом - не причиняя боли. Оно не оставляло после себя ни синяков, ни боли, ни дискомфорта. На самом деле, ей это даже нравилось. Вот почему какая-то часть ее души не хотела его убивать. Если бы она это сделала, то потеряла бы Весну.

А это было неприемлемо.

— Я... не была... сумасшедшей...

— Я знаю... — тихо прошептал он, — я знаю, что это не так. Ты не сумасшедшая. Ты просто немного другая... как и я в этом отношении. Но ты злишься... это понятно, я бы на твоём месте чувствовал то же самое. Ты слишком долго ждала, а теперь не можешь уйти. Мир не был к тебе добр — давление на дыхательное горло ослабло, и Джеред наконец смог снова перевести дух, но рука сущности не отступила. Она так и осталась лежать на его шее, холодная, как кубик льда. — Ты застряла здесь, в этой заплесневелой дыре, покорно ожидая людей, которые никогда не вернуться... Ты знаешь это. Ты всегда это знала. Вот почему ты ждала. Не для них. А ждала, что придёт кто-то другой и заберёт тебя.

Она задыхалась, ее глаза опасно широко раскрылись. — Я... — она пыталась сказать что-то еще, но ее разум был настроен на повторение одного и того же. Снова и снова. — ... не была... сумасшедшей.

— Конечно, не была. — Джеред наклонил голову, чтобы направить ее взгляд на жемчужину: — Вот почему я здесь. Ты очень особенная, и благодаря этому ты сможешь еще раз пережить жизнь. Это возможность только для тебя и только для тебя. И все, что тебе нужно сделать, это взять вот это... — он поднял жемчужину выше, ближе к ней, чем к себе.

Свободная рука сущности инстинктивно поплыла, стремясь к этому сверкающему камню. Она

была так близко к жемчужине, что та вызвала сильную реакцию. Туман внутри неё завихрился и закрутился. Порыв ветра взметнул пыль. Всасывающий вихрь внезапно сконцентрировался на ней, как магнитное поле. Джеред подумал, что ее просто засосёт внутрь жемчужины. Нет, все было гораздо драматичнее. Хриплый крик вырвался из ее горла. Ее волосы, лицо и тело расплавились, как мороженое, оставленное на солнце на слишком долгое время. Ее кожа слезла с плоти, затем плоть отслоилась от костей, затем кости были раздроблены пульсирующим светом жемчужины - пока чёрная эктоплазменная субстанция не была извлечена и поглощена внутрь.

Ее искажённые крики стихли, когда жемчужина, теперь светящаяся злым красным цветом, разорвалась с очередным мощным порывом ветра - от неё исходил такой гнилостный запах вместе с тяжёлым привкусом маны, что Джереду пришлось зажать нос. Это было явно не очень хорошее сочетание. Как только ветер стих, превратившись в лёгкое дуновение, Джеред достал жемчужину. Сферы маны ожили, и в этой мрачной, тесной комнате наконец-то появился свет.

— Ну и дела. Должно быть, она не в восторге от этого...

Жемчужина мерцала в ответ.

[Задание выполнено!]

[Вы получили 1000% опыта для заклинания по вашему выбору]

Джеред привалился спиной к стене. Наконец-то все закончилось. Он схватил телефон и смахнул с его поверхности грязь. Как только он разблокировал экран, на нем высветилось куча сообщений от матери, и ему пришлось сдерживать усмешку. В этом нет ничего удивительного: она тоже так поступала с Жасмин. Теперь, когда он перевёл дух, настало время высказать все Рейни в лицо. — Я выбираю Луч Маны — сказал он, поднимаясь на ноги.

[Луч Маны стал уровень.15]

[Мощность заклинания стала сильнее. Теперь для его создания требуется чуть меньше маны]

<http://tl.rulate.ru/book/92555/3126342>